

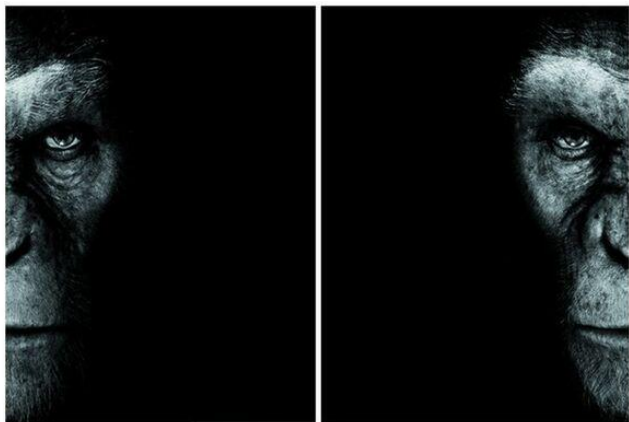
12+

КНИГА

Ин `ая формация

КВАНТОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ..

автор

Багиров-Мелкумян

Анар

Али оглы

Анар Багиров-Мелкумян Ин`ая формация. Квантовая психология

<https://litres.ru/28954309>

ISBN 9785449028051

Аннотация

«Я желаю Вам погрузиться в чтение книги и выйти сухим из воды...» Приятного времяпровождения... автор. Для всех читателей книга станет, в той или иной степени, фундаментальным знанием, оперившись на которое в дальнейшем каждый будет выстраивать своё понимание последующих процессов своей жизни и желаний с ними связанных.

Содержание

Притча	5
1 глава книги	10
2 глава книги	16
3 глава книги	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ин`ая формация. Квантовая психология

Анар Багиров-Мелкумян

© Анар Багиров-Мелкумян, 2026

ISBN 978-5-4490-2805-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Притча

Всё, что происходило в тех местах, было знакомо ему, ведь был он здесь не раз. Быть может на этот раз у него всё и получится. По крайней мере, шанс на это есть как, впрочем, был и раньше. Позволит исполнить он своё желание или снова отложит, посмотрим. Да и нам с Вами никогда не доставлял радости его уход, хоть мы и сами часто указывали ему на дверь, провожали до неё, некоторые из нас даже закрывали её за ним, хоть и понимали, что он вернётся через другие ворота. Много легенд написано о нём, но все они не про него, а лишь про разные его части, которые описывают, видя его поступки. Но если грамотно сложить их, то можно увидеть его целиком, точнее, так как он сам себя видит.

Эта история о существе, живущем на Земле среди других, похожих и не очень, но тоже её обитателей. У него не было ничего кроме жизни. Поэтому он её так любил и буквально всё для неё делал. Он исследовал и изучал её, капался в ней и взлетал над её просторами, он хотел знать о ней всё. Какая она, та единственная, что у него есть и чью любовь он так пока не заслужил. Думаю, и в этот раз он вновь будет пробовать это сделать. Ему нравилось здесь. Ему нравились возможности, которые открывала ему она. Жизнь позволяла делать ему всё. И он с радостью этим пользовался. Но очень часто в этом всём дозволенном он находил и то, что было ему

не по душе. Заметив это сразу, он не предавал тому большое значение, то ли чтобы разобраться для чего это всё ему дано, то ли чтобы доказать, а может и проверить свою любовь, а быть может думал, что и это сможет когда-нибудь полюбить. Одним словом, делал всё, чтобы жить, делал всё, чтобы продолжать жить.

Но, так или иначе, все попытки полюбить то, что он делал не по душе, не доставляли ему радость. И отношение её охладевало к нему от того образа, который он выстраивал о ней. Разумеется, он пытался найти новые её очертания, а точнее вернуть или найти те, которые любил и любит до сих пор. И находил, ведь она была необъятна, как и его любовь к ней. Но сменив её лик на приятный, пройдя километры, а когда и время, он начал чувствовать и даже знать, что смотрит то она уже не так, как будто бы и вовсе не на него, не на него всего, а на того бежал он от кого. И этот взгляд был во всём и во всех её проявлениях, событиях и даже её обитателях.

Она всё так же была прекрасна и как будто ждала его, но то чувство, что она ему больше не доверяет, прослеживалось чуть ли не в каждом их взаимодействии. Она, как бы, отдалялась от него, хотя это вроде и невозможно учитывая то, что он всё время был с ней рядом. Дело в том, что он не видел её, быть может, она и сама этого пожелала, но взор его со временем был предоставлен лишь тем, казалось бы, ожившим, ещё и принявшим форму местных обитателей и

стихий событиям, свершённым им, но им же неосознанным. Они вроде догнали его и закрыли то ли саму жизнь, то ли его представления о ней. Но как бы то ни было, он не мог позволить ни себе, ни тем более им портить и стирать то светлое и единственное, что у него было, и что он так любил. Его мысли разрушали его, и он всячески способствовал этому. Он хотел поскорее с этим покончить. То, что он про неё знал, и той частью чего она теперь стала было не совместимо с ней, а значит и с его существованием. В другой же раз он пробовал бороться с ним, тем, чьи образы догоняли его и мешали взору её прекрасного начала. Но побороть он мог, сильней лишь усугубив настрой к себе себя, её и даже вместе взятых. Он бился и с попытками не совершать того, за что придётся биться и даже бился с тем, что бился. Однажды он пришёл к тому, что бился даже с ней. То была быстрая кончина, но мучился он век. Однажды он пришёл и впрямь чтоб победить, собрал он армию себе подобных и встретила она его с не меньшей силой. Он проиграл, хоть и повержена была она, разбита, но всё же столь прекрасна чтоб отвергнуть.

Не раз он прекращал бои, сами попытки с ними биться. Тогда же поглощали те его. И вновь он уходил, стирая память, чтоб вернуться к памяти о ней, прекрасной, чистой и желанной. И сам таким являлся каждый новый раз, и с первых фраз влюблялся вновь, в неё во всю, такую как она и есть, единственную, что у него была.

Она была всё так же безгранична и светла, полна возмож-

ностей, желаньями ведома, но что-то было и не так, как будто пелена. Она была открыта и в то же время доверялась вся, но проверяла, будто точно ль это я. Как будто видела во мне былые славы и проверяла раз за разом намеренья мои на этот раз. Как будто виделись уже, о чём забыл я. А я и впрямь забыл. Ещё бы.. Я за этим то и уходил, забыть её, забыть себя, которым стал, чтоб вновь иметь возможность полюбить, очистив помыслы свои и даже ненависть, что к ней.

Но вот в чём дело было на Земле, она всё помнила и обо мне, моих поступках, о судьбе моей, о том, как разрушал её и как любил. Она хранила всё, хранила бережно, не растеряв ни что, всего меня хранила в сердце у себя и на себе отметки оставляла, она была верна, верна сейчас. Я первый был, а девственна была она. Те, все кого впустила жизнь, был я, был только я.

Я был не меньше, не прекрасней, не знал я кто я, может так. Но встретив ту единственную что была, я понял, как прекрасна жизнь, она. И стать пытался соответствовать её красотам, стал поглощён тобой, стал жить ради тебя, и потерял себя. А потеряв себя, я разлюбил тебя за то, что терпишь всё, что я творю, что позволяешь, что молчишь. А ты любила как любить могла лишь мать, сестра, жена, так даже любит дочь, которой быть хотел примером я. Ты не терпела, ты ждала, была верна, в то время как к себе я ревновал, была сильна, семью спасла, когда себя я убивал, была смешна, когда я унывал, была всегда, когда я забывал. Но я не знал.

Я тоже верен был, я просто слишком часто засыпал, и я забыл, каким я стал, каким я был, да и зачем таким я стал.

Теперь я поделюсь, каким я стал.. Я расскажу каким я был..

— Я рад тебе, сказал он ей.

— Я рада вновь тебе, сказала жизнь ему.

1 глава книги

Летом этого года, точнее уже прошлым летом, я устроился на работу инструктора на водный аттракцион. Это, по сути, были надувные горки с бассейнами, и предназначены для малышей и подростков. Я наблюдал за нашими с ними взаимодействиями, отношению друг другу. Разумеется, среди них были те, которые посещали аттракцион по несколько раз и любители среди местного населения, но с большей частью из них я виделся по разу или два, и от того можно сказать, что я наблюдал и размышлял за развитием нашего общения не с определёнными малышами, а моего с детьми в принципе. Ну и их со мной, разумеется. Я многое за это время получил от нашего общения. То, что было пока в теории, я с лёгкостью переносил во время работы с ними в действительность. Они ничем не отличались от взрослых, они уже успели впитать многое чему их научили родители, общество и уже отражали всю радость и негатив от полученного. Я каждый день анализировал, чтобы объяснить себе причину моей активности с ними в роли наставника и друга, разумеется, в сравнении, и чтобы перенести это и на всё своё окружение. Если понятней то, что помогало мне не бездействовать и не закрывать глаза на то, что можно улучшить для нас. И уже вскоре я вычеркнул те отгалкивающие и неестественные факторы, которые сковывали это взаимодействие в узкие рамки контроля за их

безопасностью на данном объекте и моей ответственностью за них, тоже на данном объекте. Да, они и вправду основополагающие, но бесполезны и даже разрушительны, если работают только в этих границах. Именно это решение и вытеснило страх, точнее боязнь за них и вред, который они могут нанести себе тут и помогло оградиться от контроля и отчётности перед хозяевами этих площадок, которых естественно тоже это чувство не покидало. Позволив себе этот взгляд на моё участие в их веселье, я позволил себе видеть в них людей, свободных от моего сильного вмешательства людей. Я освободил их от мнения обо мне как об объекте контролирующим их, а себя, да и в принципе и себя именно от этой ноши.

У нас были пять правил, которые я озвучивал ребятам перед посещением, именно у нас потому, что они усовершенствовались, благодаря им и из пяти запретов перевоплотились в пять пунктов удобного и комфортного безудержного веселья. Это было здорово, правда. Да, это был наш с ними выстроенный городок нахождение, в котором приносило радость и им и мне. Ничего не изменилось, ни каких-то сверх новых уровней безопасности, ни контроля и координации, ни договоров ответственности с родителями. Просто мы освобождали друг друга, раз за разом. И учитывая то, что я возился каждый раз с новыми, они давали мне больше, я же старался не упускать и главное не поддерживать ни одного увиденного комплекса. А за невидимыми воротами наше-

го городка вовлекала меня, поистине, колоссальная война, участниками которой были родители, страх которых этими пятью правилами подогнать под спокойствие и доверие было невозможно, ведь они не видели своего участия в этой борьбе, ими двигало благородное желание защитить своих малышей, но из оружия у них были только клетки и оковы, что могло придать всему действию на площадке атмосферу тяжелого испытания и нелёгкого выживания в этой ужасающей среде полной травм и ушибов. Этого я не хотел допускать.

Разумеется, за всей этой иронией я вижу и понимаю желание родителей, но их способы в корне рушили мечты детей, а с ними и шанс попасть на аттракцион. Да, оплачивали, разумеется, деньги родители, но этот мнимый козырь, якобы дающий им право контроля и внесения своих, не укладываемых с самой идеей веселья, наставлений, был очень скоро обезопасен. Оплату я принимал только у тех детей, кто желал посетить площадку, соглашался с условиями и даже больше, если нет, то озвучивали причины, замечания, предлагали свои, ведь так мы их и создали раньше. Война с ними прекратилась не начавшись. В одни ворота, это не война. Да приятного мало, но всё же это давало немного ответ на то, почему с ними я бездействовал, точнее не доводил до конца искренняя в принципе их проявление к этому процессу. Дети имели желание получить удовольствие, и они это получали, ведь они были готовы идти на всё ради этого, они готовы были оставить свой гнев и преодолеть страх, вдохновляя и

поддерживая, радуясь и восхищаясь друг другу. Те родители, что увидели в них эту атмосферу, получили не мало гордости за своих малышек. Другие же разбившись об свои недовольствия и те, которые не позволили пока себе это спокойствие, разыгрывали самую что не на есть пустую карту, власть над финансовым контролем, воплощённая в передвижениях и воплощениях желаний детей. Это не мешало мне видеть в малышах спокойствие и надежду, хоть уже в руках у столь озлобленных на себя родителей. Дети были готовы получить от меня то, зачем они пришли. Их родители зачастую не видели то, что всё о чём они просят я уже дал и стоит принять.

Здесь можно, конечно, было устроить иронию того, что этот парень в шортах на пляже строит из себя психолога, но если у вас в голове мелькнула мысль о том, что перед вами человек, который реагирует на ваши просьбы с позиции психолога, то позвольте себе предположить, что у вас и вправду, есть проблема и вы уже её озвучиваете и уже даже получаете помощь, с которой и обратились. И лишь вещей сон иллюзий и стереотипов мешает вам ощутить простой, естественный и открытый момент, диалога, взаимодействия, простого человеческого взаимодействия.

Это был не гнев, не злость.. Это был очередной поиск подхода достучаться до их истины, дать им возможность быть самим собой, как удавалось их детям. Разумеется, своё молчание и вступление в конфронтацию я уже не считал без-

действием, оно помогало им снимать свои маски и обнажать другие, которые могли бы подойти для этого случая, мне же это помогало видеть, как моя теория проявляется и появляется направление, в котором виден хоть и слабый, но отчётливый просвет, который при последующей нашей встречи не ждал бы новой искры, а продолжал бы набираться вновь.

— Вы знаете, у нас особенный ребёнок, — как яркая вспышка родного языка прозвучала фраза..

— Можно он зайдёт в бассейн..? — это был вопрос мамы одного из двух братьев, которая обратилась ко мне.

— Они все особенные.., как ответ на пароль, ответил я. — Пусть заходит..

Разумеется, все мы особенные и само напоминание нам об этом уже говорит, что мы этого не проявляем или не замечаем в других. Но тот малыш отличался и отличие было в том, что он не скрывал свою особенность. Он не мог себе этого позволить, но и я тогда не мог увидеть его творений. Мы не могли дать ему простора для размаха, а он не мог дать себе соответствовать той губке, впитывающей всё навязанное ему. Он был скован в движения, ограничен в речи, но ему это не мешало получать удовольствия от тех эмоций что вырывались из него. В его хаотичных, небрежных движениях и в воплях, которые воспринимаются только всем телом и душой, а ни как не мембранами ушной раковины, в его самой сути, было видно одно, он может дать родителям всё то, что они от него хотят и он сам хочет этой любви и взаимопо-

нимания, но он не может позволить себе ту неискренность и завуалированность этих истинных чувств, которые благодаря нам обросли всей этой фальшью и наигранностью, причиной чему есть непреодоленный страх, зависший в боязни всё потерять и ничего вовсе не иметь, не мог он себе позволить дать им то, что они не заслуживают, вот и забился в спазмах речевых глуксах, в ожидании готовности нас принять его любовь, принять которую можно лишь себя приняв, не как больных и изуродованных, а как идущих и не сдающихся, осознавших и принявших всю свою вину, не озлобившись в ожидании наказания, показывающих оскал каждому, в надежде быть поражённым достойным, а простивших себя и позволивших себе себя.

Он счастлив в этом ожидании, он знает, что ждёт и что не мало тех, кому уже не мало он даёт, как дал он мне, его мать мне, я сейчас вам. Затем он и пришёл. Но это лишь осколок взрыва той звезды, планеты, той вселенной, что в нас сидит, особенно сидит, особенным и делает, так спит, а проявляет лишь открывшись.

Мы с вами такие особенные и уникальные, что проявлять мелкие чудеса, нам кажется ничтожным, хотя творить начнём лишь ноту первую сыграв.

2 глава книги

Думаю, если вытащить человека из привычной среды обитания и поместить в абсолютно новую, то проснувшись его охватит паника и хаос. Ему понадобится некоторое время для того, чтобы осознать своё впечатление об окружающем мире.

Мои же воспоминания детства я описал бы словом потерянности. Потерянность, связанная с полной амнезией нежели со сменой среды обитания.

Удивительным всегда считал то, что я слабо помню о событиях детства. Вплоть до событий, наверное, начальной школы, моменты которой, признаю, что больше всплывают в памяти, но все они перепутаны хронологически и очень непродолжительны по времени. Удивительно и потому, что было оно у меня и разнообразным и относительно незаурядным.

Разумеется, что ни дня своего рождения, я имею в виду самого рождения, ни первых несколько лет моей жизни я не помню. Довольно частые рассказы и воспоминания о тех днях могут освежать память, пролив свет на некоторые из них. В моём случае это давалось с трудом. Даже рассказ о том, что меня водили в ясли, который случился уже в момент описания событий в этой книге, не смог помочь мне вспомнить хоть картинку из тех дней. Думаю, один из пер-

вых воспоминаний, это фрагмент из тёмной комнаты, освещённой изображениями из диафильма. Это были уроки английского языка для детей. На них меня с сестрой водила мама. Далее вспоминается Новый год. Вижу украшенную ёлку и посетившего нас Деда Мороза. Эти воспоминания подпитаны фотографией с того дня. Отчётливо помню верхнюю полку нашей с сестрой двухъярусной кровати. Это был один из дней в попытках заснуть без света, когда я просил маму оставить слегка приоткрытой дверь, ведущую в коридор, где она помню занималась стиркой, после того как уложила нас. Этот луч света освещал небольшой угол комнаты и всё моё спокойствие. Да, с темнотой я не хотел дружить долгое время, хотя она настаивала.

Вспоминаю школьного друга, который в зажатых пальцах руки представлял образ мухи и с характерным жужжанием отправлял её в полёт, часто делая остановку у меня на плече. Его радостную улыбку при этом я до сих пор могу представить. Помню наши прогулки с Няней (бабушкой), помню, как она пришла за мной в школу и стала очевидцем рассказа учителя о моём участии в неаккуратной игре с метанием деревянной линейки, которая привела к разбитой брови моего одноклассника. Есть несколько воспоминаний о том, как играли во дворе с двоюродными сёстрами. Пару фрагментов с тётей и дядей, их разговоры с отцом. Отлично помню, как сидел, свесив ноги с окна, наблюдая какое-то шествие на улице. Затем ощущения холода. Это был порт или вокзал.

Мы спешно уезжали. Была война. О чём она, не знаю.

Хорошо представляю ангар, не то сарай с животными. Это было уже в другой области, как я потом узнал. Дальше город. Отсюда уже больше воспоминаний, но и пустот не мало. Разумеется, мне рассказывали многое позже мама и сестра, которая на удивление помнила большинство событий, но сам я многого не помню.

Лишь одну историю про себя помнил всегда. Она оставалась неразделима ни временем, ни событиями. Ведь она состояла сплошь из вопросов.

Мне всегда было интересно всё, что происходит с жизнью. Я говорю не про какое-то именно явление и науку, объясняющую его, я про саму жизнь. Мне с детства не давали покоя едва ощутимые вещи. Откуда всё взялось, и что вообще такое жизнь. Часто закрывая глаза, я пытался представить, что всего этого нет, нет ничего, ни меня, ни всего, что меня окружает, ни нашей планеты, ни жизни как таковой. Первым появился вопрос о том, что будет после того как меня не станет. Я лишусь жизни, лишусь ли я памяти о ней, буду ли я что-нибудь чувствовать или просто как бы отключусь и всё для меня будет закончено. Я пытался придумать есть ли что-то кроме нашего мира. Ведь если наш мир где-то есть, значит есть и что-то другое. И где границы мира. Эти мысли были настолько мимолётны, что едва уловимы и не всегда случались, хотя я помню своё желание окунуться в них. Зачастую попытки размышления об этом не выходили за рамки

комнаты или планеты, прерывая едва уловимую цепочку, по которой можно было проследить события. Но больше всего запомнились и впечатлили те разы, когда мысль доводила до границы между нашим и так еле понятным, но всё же объяснимым миром и тем неизвестным, ещё не придуманным. Дойдя до границы понимания с едва уловимым, мимолётным и с трудом объяснимым, меня больше всего удивляли и поражали объёмы неизведанного в нашем мире. И возвращаясь из этого доли секундного путешествия, мне казалось всё окружающее меня, люди с их заботами и проблемами, события с переживаниями и вопросами, очень странными. Они мне казались столь незначительными по существу, но в то же время столь массовыми, что складывалось впечатление об их утопичности. Какая-то необъяснимая тогда ложность их важности и преувеличение значимости. Они вроде бы есть и заботы, и переживания и даже вопросы, но они как бы не к месту. То есть я был уверен, что на них можно было и не отвечать и даже не думать о них, когда параллельно есть такое обширное поле для развития, понимания и обсуждения. Казалось бы, на них и не ответишь так сразу, но как сплотиться и объединиться можно было в этом направлении.

Только это и казалось мне разумным. Вроде одной общей цели или задачи, мысли о которой перечёркивают большинство всех привычных тревог и забот. А предыдущие, не то что становятся менее значимыми, а как-бы лопаются от бессмысленности. Чтобы немного лучше понять это чувство,

представьте появление внеземной цивилизации на Земле. Представьте сколько бытовых ссор покажутся неуместными наряду с попытками и в предвкушении чего-то совершенно нового и ранее неизвестного никому на планете. А ведь определённо более значимые вопросы сидели у меня в голове. И это было так логично, понятно и даже осязаемо, что я не мог и представить, что кто-то мыслит иначе. Всё казалось таким очевидным, но жизнь показывала абсолютно другую картину. Да и как будто никому больше дела не было до этого, до тех мыслей, что я и объяснить толком не мог.

Разумеется, их трудно было передать, их необходимо было пройти, прочувствовать самому. Но диалог был всё-таки возможен. Но его не было. Глупо было мне считать, что не с кем. Просто не было попыток. Как-то уже подростком я задавал подобные вопросы кому-то из знакомых, о том, что случались ли у них подобные мысли. И несмотря на то, что они соглашались с наличием таких, не происходило какой-то магии или волшебства. Не создавалось того единства, которое перенесло бы нас в атмосферу размышлений и может быть даже открытий. Я хоть и не показывал своего разочарования, но оно определённо было. И постепенно перерастало в нечто иное. Это ощущение какой-то незаконченности не покидало меня. Мне казалось, что нет ничего важнее и интереснее, да и не должно быть. А, следовательно, если нет дискуссий на эту тему, то что остаётся. Да, конечно, можно сказать что это всё интересно, но только иллюзии, а всё остальное и есть на-

ша реальная жизнь. И уход в эту иллюзорную мысль происходит от нежелания принимать действительность. Некое витание в облаках. Я с этим, пожалуй, соглашусь, но раньше ни за что.

В детстве для меня смириться с происходящим здесь было как бы принять всё за должное, а любая попытка предположить иное развитие ситуации, как табу. Но не поставленный кем-то, а как мнение о результате того, что я видел вокруг. Я был уверен, что люди понимают абсурдность и нелепость своих поступков и заведомо их допускают. Глупость какая-то, казалось мне. И она вызвала отчуждение от них. Я не пытался что-то объяснить, но и принимать был не готов. Так и зародилась внутренняя борьба с реакцией на происходящее подпитываемая собственным бездействием.

Сейчас же, разобравшись в большинстве тех вопросов, мучающих и поражающих меня, я принимаю всё происходящее и вижу уже не факты, а процесс, процесс развития и самой жизни.

Вся эта внутренняя тайна и игра сопровождалась различными событиями. Я тоже, как и все дети рос, учился в школе, был чем-то увлечён. После поступил в университет. Всё было, думаю, как у многих, конечно под своим углом, но всё же. Но особо ничего не цепляло. Лишь позже как-то наткнувшись на кулинарную передачу по телевизору, я невероятно загорелся невероятным подходом и азартом к делу английского повара Джейми Оливера. Это, наверное, было моё пер-

вое решительное действие, когда, не имея никакого опыта и знаний в этой сфере, я пришёл в довольно устоявшийся ресторан города с одним лишь желанием работать поваром. Даже не стать им, а именно работать. На моё не сказал бы на удивление, но на восторг меня взяли. И помню, что у меня здорово всё получалось. Но параллельно с безумным интересом и самоотдачей, с которой я проработал во многих заведениях города после, мною двигало и почти необъяснимое, но откуда-то уверенное желание бросать начатое. И всё, за что бы я не брался ранее, я в одночасье мог, и оставлял. Желание бросать всё, что у меня получалось на тот или иной момент времени. Я не имею в виду сферу деятельности, а именно места их реализации. Это чувство незаконченности преследовало меня всю жизнь. Не закончив университет, не объяснив никому и ни себе причину, я перестал в нём учёбу. Также было и со всеми предыдущими местами работ, а их было не мало. На некоторых я даже создавал разного рода конфузы лишь для того чтобы объяснить причину ухода, в случаях внезапного исчезновения, чтобы причина была ясна. Это было продолжение внутренней несмиримости с какими-либо устоями и такое же необъяснимое отношение к поддерживающим их. Я был явным революционером, но в бездействии. Я был идеалистом, не желающим бороться на местах. Мне не хватало масштаба действий. Но мне нравилось то, что не пугало меня идти за этим чувством, ведущим меня, вырывая из одного места и открывая другие возмож-

ности. Ребячество и безответственность считали все. Быть может. Но это был мой этап. Ещё один этап становления.

Многое из этого отразилось на окружающих и на взаимодействие с семьёй. Я потерял ко многому интерес. Амбиции голодали, а желания тем не менее росли. Это привело и к крупным финансовым проблемам. Чем грандиознее не был мой последующий замысел, тем сильнее было его крушение. Но это не единственный след которые оставили те события. Как результат опыт работы на кухнях и производствах дал мне основу для воплощения фантазий и творений, так и последствие всех этих скитаний и поисков заложили прочный фундамент в понимании процессов, их причин и следствий. Но это нужно было ещё увидеть. Пока же я мог видеть, как во мне зарождалась нетерпимость к людям, поддерживающим образ жизни и поведение неприемлемое как для меня, так и для них самих. Ведь их борьба с положением, созданным ими же была видна не вооружённым глазом.

Оставаясь в бездействии, я поражался бездейственными способами, которые они пытались решить и наладить свою жизнь, тем самым создавали новые последствия. Увидеть в этом хоть что-то ещё, позже помогла моя сестра.

Меня всегда удивляла несправедливость в развитии многих, а может и большинства событий, происходящих со мной и в мире в общем. Я видел иное, справедливое решение вопросов касающихся разных сторон жизни. И удивляло что это никто либо не понимал, либо не хотел делать, что ещё

более странно, ведь от этого страдали обе стороны. Я же находился в стороне и впитывал, анализируя и находя всё новые решения, но оставляя их в теории. Я как бы принимал участие в жизни, но не жил. То ли я думал, что это всё меня не касается, то ли что всё пройдёт, однажды, само собой.

К моему странному удивлению оказалось, что это напрямую касается меня и само собой уж точно не пройдёт. Именно в этом однажды помогла мне разобраться сестра.

Разумеется, несмотря на мой образ жизни, связанный с поиском как ответов, так и смыслов, который оборачивался зачастую трудностями и проблемами, я всё равно был может уже не в той степени, но окружён любовью и заботой со стороны семьи. И разумеется у неё был свой способ выражать её. И вот однажды, после очередного ухода с очередной работы меня, находившегося в состоянии то ли депрессии, то ли под воздействием собственных репрессий, пригласила на разговор моя сестра. На нём присутствовала и сестра её мужа, с которой они нашли не только общие мнения, но и интересы, как оказалось те самые, способные привести к диалогу и волшебству, о котором я говорил и которым грезил. Они приняли мои проблемы думаю, увидев в них какие-то скитания. Этот разговор был открытым на сколько это было возможно на то время. Я редко признавал вину, а, следовательно, ответственность за свои поступки, но понимал возможность их осуждения, точнее понимая эту возможность. Особенностью и свершенностью этого диалога стал факт, неопи-

суемый факт, невозможности этого осуждения. Это был и приговор, и помилование одновременно. И думаю сами не подозревая, ни капли, не умиляя их таланты, они вытащили меня из этого мира и дали увидеть его. Освободили все чувства, эмоции, страдания и радости, мнения и знания, отцепив как щупальца, которыми я держался за этот мир, как бы растворившись в нём, не видя самого себя, а значит и не имеющего своего видения мира. Это было едва уловимое, но сполна ощутимое чувство, чувство присутствия, а с ним и ответственности. Вроде доселе понимаемого, но не испытанного «в наличии». Основную радость доставляло понимание реальности моих мыслей, во многом благодаря самой возможности ими поделится и даже развивать. Это была как яркая встреча и узнаваемость. Конец одиночества. Это было начало, начало чего-то нового. Я вроде как подошёл к той границе из мыслей о мире, и она не растворилась. Да, я ещё не видел, что за ней и предстояло переосмыслить всё, что было перед ней заново, но та грань между двумя мирами одной жизни была в моих руках.

Тем не менее жизнь продолжалась, а диалоги пока могли быть и оставались диалогами. Развитие продолжалось, но со временем их становилось всё меньше и меньше. Они прошли определённую точку не возврата, но разошлись в просторах неизведанного.

Проблемы оставались проблемами хоть и виделись уже в исключительно ином свете и требовали решения. Не сказать,

что я их не решал. Я пробовал и даже несколько из них приняли неожиданные формы, неведанные ранее. Не сказать и то, что я не хотел поделиться своим видением, я пытался, но здесь не произошло ожидаемое. Может лишь на миг, но он то ли оказался слишком шатким, то ли не был подкреплён далее и растворился в обыденности. Я бы описал это как способность видеть диагноз, не просто распознать, а отчётливо его видеть, но то ли не иметь лекарства, то ли лицензии на врачебную деятельность. А за всей этой проблемой скрывались реальные проблемы и страдания тех, кому ты мог помочь. Это было настолько нереальным, что казалось нереальным, но я был абсолютно трезв.

3 глава книги

Я вернулся в свою жизнь с одной лишь разницей, мир был тем же, но понимание его иллюзорности ошеломляюще. Он больше не проходил мимо меня, теперь он проходил через меня. Я ощущал всё происходящее вокруг с невероятной искренностью и узнаваемостью. События были настолько понятны, проходили одни за другим будто с моим участием. Не я зависел от процессов, а они от меня и от того какой смысл я в них вкладывал. Это было волшебство и дикость одновременно. А не видя участия других в создании этих процессов, образовывалась невероятная ответственность, принять которую, как ни странно *возможно лишь поделившись с ней*. Рассказать об этой возможности и есть взять ответственность. Разумеется, многим покажется непонятным и странным описанное выше, но я знаю, что не мало тех, кому это знакомо.

Ситуация оставалась прежней. Росло желание поделиться этим, но как сформулировать чувства в слова, как описать то, в чём сам только начал разбираться, как описать то, что растёт и видоизменяется с невероятной скоростью, от каждой новой эмоции, от каждого нового знания.

Желание поделиться. Думаю, с этим был связан мой выбор работы поваром. Эта страсть заряжала меня в желании дать что-то людям, готовя блюда, питая их. Когда из вроде

всем знакомых продуктов, при определённой последовательности и в нужной пропорции, пройдя индивидуальный подход, приняв и впитав вкусы и ароматы они предстанут в желанном блюде перед вами. В этом есть определённый уловимый подтекст, но один человек не может и не должен кормить всех держа рецепт в тайне. Да и с другой стороны в массе интересных и невообразимых профессий и занятий, заниматься всем кулинарией, постигать её вершин думаю нет смысла. Логичней достигать свершений на своих поприщах, чтобы по достоинству увидеть работу поваров, а именно вкус блюд, который оценить способны только вы. Но вершины вершинами и если вы от этого загораетесь, то ничто вас и не остановит. Но есть и азы, которые доступны и главное интересны каждому.

И не обязательно становится поваром чтобы их понять, достаточно не противиться этому. И в результате вы получаете ту основу, то элементарное понимание процессов и взаимодействий, применяя которые можете получить ожидаемый результат. Вы не лишаетесь веры в магию, вы становитесь магом. Аналогично в нашей жизни, мы должны иметь определённый набор знаний и их пониманий. Не обязательно становиться философом, мыслителем, психологом и учёным, но основы, иметь тот фундамент о происхождении, причинах и следствиях, на который всегда можно опереться, который станет отправной точкой в жизнь, который не даст сбиться с курса и застрять в повседневном состоянии, чело-

век имеет право. Человек должен быть поваром своей жизни. И у нас с вами есть всё необходимое для этого.

Во время приготовлений я думал о конечном результате, представлял помимо его вкуса и реакцию на него. Разумеется, я хотел, чтобы оно понравилось и вызвало положительные эмоции. И именно убрав все сложности и волнения, некие переживания и мнимые сомнения, я пришёл к простому и далеко не странному выводу. Блюдо не может понравиться гостю, если оно не понравится мне. Если то, что я приготовил нравится мне, то оно придётся по вкусу и тому, кому оно адресовано. Как ни странно, у нас принято считать это умение и саму возможность этому соответствовать, профессионализмом. Хотя это обычная норма, понимание которой и приводит на кухню, да и в любую работу. Но масса случаев, когда работники, повара не поддерживают это правило, пытаясь прикрыть свою оплошность перед другими, в целях экономии продуктов или в страхе материального взыскания за порчу продуктов, да и вообще по многим выдуманым и нелогичным причинам. Они тем самым становятся заложниками системы ценностей противоречащей их работе и самого факта нахождения на ней. Я думаю в этой ситуации вы можете проследить немало случаев и из своей как трудовой, так и потребительской деятельности.

Это простая и удивительная вроде связь поразила меня. Ведь она говорила об определённой связи между людьми и их чувствами к тем или иным продуктам, подачи и блюдам.

Вы можете на первый взгляд не согласиться, но повара меня уверен поддержат, ведь каждый для себя признавал, может не сразу, но, разобравшись, признавал и понимал, что блюдо, которое когда-либо не понравилось кому-то, не было по душе и самому. Он мог даже думать, что оно может подойти для него, но это большая разница. Ведь работа повара заключается в том, чтобы готовить блюда, вкладывая в них свой посыл. Не желание угодить, а желание накормить. Утолить не все чувства, с которыми пришёл человек, а те, которые способен именно повар, а остальное сделает сам гость.

Понимание единства чувств к еде, думаю и привело меня к размышлению, более подробному развитию этой истории. Ведь удивительно, понравившаяся приготовленная еда всегда приводит к положительной реакции. Я имею в виду то, что, получая удовольствие от еды мы испытываем положительный настрой, что отражается на последующих решениях. Соответственно всю ответственность сваливать на повара безрезультатно. Ведь они исполняют ваши заказы. Их основной задачей заключается осознанно разобрать и понять, что вы хотите. Вот где уже можно проследить и уловить простую причинно-следственную связь. Она настолько проста, что абсолютно логична.

Копнём глубже, значит зная, как создать «блюдо» вызывающее положительные эмоции можно обеспечить и положительные последствия. Теперь у нас есть причина, следствие и уже новая причина, следствие которой вроде тоже очевид-

но. Как бы ни показалось странным, но именно этот факт и это знание вытащили меня и с последнего места работы на кухне. Но внутреннее ощущение радости и правильности не покидало меня.

Это чувство правильности и уверенности подкреплялось и тем, что в этот период жизни я встретил свою любовь. Девушку, которую мне предстояло узнать, любовь к которой я ощутил с первого взгляда. Это было невероятное чувство или невероятная эмоция, через которую начинаешь понимать и узнавать человека. Любя человека все факты, которые знаешь о ней приобретают трепет, в каждой появляется надежда и выход. В каждой хочется участвовать и приклонять себя. Это чувство поглотило меня на столько, что стёрло и границы появления, став взаимным и всепоглощающим. Понимать, что тебя любит та, кого любишь ты — неопишимо, но попытаться стоит. Это чувство зародилось во мне в ту ночь, когда я её встретил и продолжает расти сейчас. На сегодняшний день оно выросло в что-то волшебное и основополагающее.

Амбиции, что же это такое думал я, желание всего и сразу терзало меня, подпитывая и разрушая всё имеющееся одновременно. Желая утолить её желания, я часто путал их со своими пожеланиями. Мне хотелось дать, то что у меня и не было. Не на перспективу, а сейчас же, сиюминутно. Я требовал с себя желая угодить всему и сразу. Опять же повторюсь это было моё желание. Но наряду с этим я не мог дать

простого. Создав за долго до знакомства с ней себя, как возможность принять себя либо всего, либо никакого, мне было неинтересно разглядывать свои положительные стороны на данный, промежуточный момент и тем более было тяжело это сделать тогда, находясь с ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.